

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1976–1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Е. И. Кычанов

ЛЮДИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ГОСУДАРЮ (ГОСУДАРСТВУ)

(По материалам "Измененного и заново утвержденного кодекса /девиза царствования/ Небесное процветание /1149 – 1169 гг./")

Тангутское право различало четко только два вида собственности: собственность императора, государя, и собственность частную, отдельных лиц. При этом собственность императора совпадала с его казной, казенной собственностью, собственностью государственной. Юридического различия собственности правящего дома, императорской и государственной собственности не было.

Люди, лишённые личной свободы или ограниченно свободные, тоже делились на принадлежавших частным лицам и государевых. Частным лицам принадлежали п х и н г а, лично несвободные мужчины, и н и н и, лично несвободные женщины. Люди, принадлежавшие государю (государству) именовались просто "государевы люди", точно так же, как были "государева земля", "государев скот", "государево имущество" и т.п. Такое деление лично несвободных на принадлежавших частным лицам и казне было характерно и для средневекового Китая и закреплено в кодексе Тан. Текст танского кодекса четко различает г у а н ь н у б и "казенных рабов и рабынь" и с ы н у б и "рабов и рабынь, принадлежавших частным лицам", а также различные группы казенных лично несвободных: г у а н ь х у, ф а н ь х у, ц з а х у и лично несвободных, принадлежавших частным лицам: б у ц ю й, к э н ю й (лично несвободных мужчин и лично несвободных женщин соответственно).

Если группы лично несвободного населения тангутского государства, принадлежавшие частным лицам, – пхинга и нини достаточно легко выделяются и могут быть сравнительно подробно описаны по тексту кодекса, то выделить и описать группы государевых (государственных) людей значительно сложнее. Они упоминаются в тангутском кодексе редко, и тексты статей, в которых о них говорится, не всегда достаточно четки.

Государевых лично несвободных людей можно условно разделить на две группы: тех, кто был занят в различных сферах хозяйства страны, и тех, кто служил в армии. По своему происхождению государевы люди – это или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т.п. из группы "десяти зол"), при наказании за которые вступал в силу принцип общесемейной ответственности (юань цзо). "Дети, жены, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего преступление, – говорится в кодексе, – независимо от того, живут ли они с ним одной семьей или не живут, а также /его/ родители, дед и бабушка, братья и сестры, еще не выданные замуж, если эти /родственники/ живут в одной семье /с мятежником, все/ подлежат наказанию – должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев"¹. То, что эти люди становились казенными лич-

но несвободными, ясно из китайской аналогии: по кодексу Тан члены семьи мятежника "конфисковались", переходили в казну, а также из текста предшествовавшего "Измененному и заново утвержденному кодексу законов" Яшмового зеркала управления /девиза царствования/ "Чжэнь-гуань", где указывалось, что в случае гибели в бою командира, четыре человека из его охраны должны были быть казнены, а их родственники обращены "в государевых пастухов и земледельцев"². Наконец мы имеем свидетельства этому и непосредственно в тексте нашего кодекса. "Если женщина приговорена работать в государевом скотоводческом хозяйстве и уже отправлена в это скотоводческое хозяйство, то сбывать ее в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец приговаривается к наказанию по закону о тайной краже, а покупатель, если он знал /что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом хозяйстве/, по закону о пособничестве в совершении такой кражи. Плата, полученная продавцом /за женщину/, должна быть взыскана в качестве штрафа и поступить в пользу государя. Если покупатель не знал /о незаконности сделки/, то наказанию не подлежит, но сумма /которую он уплатил за женщину/, должна быть у него изъята. Женщина за то, что она не донесла об ее продаже, получает тринадцать палок. В соответствии с первым решением она должна быть возвращена в скотоводческое хозяйство. Если же она сама донесла /о незаконной ее продаже/, то наказанию не подлежит и может быть отдана на одно из пастбищ того же хозяйства, но на то, на которое она сама пожелает"³.

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот. К тангутским государевым пастухам и земледельцам, очевидно, была близка группа танских казенных лично несвободных людей, именовавшихся гуаньху. Это были "земледельцы, приписанные к ведомствам". Но как и в танском Китае, лиц, оказавшихся в уголовном рабстве, использовали и на других работах. В Китае рабский труд казенных рабов "использовался довольно широко при строительстве ирригационных сооружений, в казенных мастерских, при перевозке грузов. Мужчины рабы пасли скот, разводили домашнюю птицу, выращивали овощи. Казенные рабыни занимались изготовлением тканей, керамических изделий, работали на кухнях. Назначение на работу и приписка к соответствующему ведомству определялись согласно исходной квалификации раба"⁴. И в Си Ся та группа людей, которая попадала за преступление члена своей семьи в уголовное рабство, также прежде всего использовалась на тяжелых сельскохозяйственных работах и работах по уходу за скотом, в основном в пограничных и отдаленных районах страны. Помимо постоянных указаний о переводе таких людей в государевы пастухи и земледельцы и цитированной выше статьи о женщинах, работавших на государевых пастбищах, есть статья, в которой говорится, что 87 пастухов, принадлежавших Северному двору, и 20 семей, принадлежавших Восточному двору, ежегодно выделялись для "передачи в другие государства верблюдов и лошадей"⁵, т.е. для перегона скота, который шел в качестве уплаты дани государствам Цзинь и Сун, а также для продажи государева скота за границу. Но помимо сельскохозяйственных работ государевы люди довольно часто использовались в иных сферах хозяйства. Список государевых людей по профессиям сохранился в статье 393 кодекса. Он достаточно обширен. В него кроме пастухов и земледельцев входят "смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев государя, паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений, официанты . . . дворцовые рассыльные, птичники, рабочие тележных мастерских, раздатчики еды, рабочие мастерских по производству шелка, цветоводы, рабочие мастерских по производству украшений: кистей, лент, бахромы, погонщики караванов верблюдов . . . музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в предусмотренном законом порядке рвов и укреплений, разные мастерские, рабочие императорских конюшен, дворовые, караульные ноч-

ных караулов, барабанщики при ночных сигнальных барабанах, ткачи холстов, ювелиры, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли из озер У и Цзе⁶. Таким образом, кроме основной работы в качестве пастухов и земледельцев государевы люди использовались как обслуживающий персонал и в качестве рабочих и мастеровых, можно думать, сосредоточенных главным образом при дворе или в столице. Все это были лица, выполнявшие, как сказано в этой же статье, прежде всего "тяжелые работы".

Эти люди принадлежали казне, государю и не должны были изыматься из казны. "Запрещается любому человеку, старшему или младшему чиновнику, просить /для себя/ в качестве лично принадлежащего ему человека кого-либо из государевых людей или просить или делать людьми, принадлежащими частным лицам, людей, совершивших тяжкое преступление, приговоренных к смерти, которым потом дарована жизнь и которые могли войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах. Если закон будет нарушен, то просителю и тому, кто передал его просьбу в вышестоящие инстанции, одинаково по двенадцать лет каторжных работ"⁷.

На "государева человека" "накладывались разные работы и повинности", и он находился в ведении определенного чиновника, представлявшего какое-то управление, например управление земледелием, скотоводством или другое. В "Новых законах" названы "приписанные к управлениям государевы земледельцы"⁸.

Государевы люди, "тяглые, записанные за государем", имели свои семьи и свое имущество, в том числе и недвижимость. Текст одной из статей кодекса гласит: "Если посторонним человеком из дома, принадлежащего беглому, или в дороге будет похищено что-то из имущества тяглых, записанных за государем, то /виновным/ выносится то же наказание, которое положено за лично совершенную кражу государева или частного скота и имущества с применением или без применения насилия"⁹. Государевы люди наделялись землей, которую были обязаны обрабатывать полностью. "Государевы и частные землепашцы в первую очередь должны содержать свои н д з и е (ц и н) и н д з в о н (м у) – /участки земли/ в тех размерах, в каких они их держат. Нарушать границы первоначально установленных участков пахотных земель, облагаемых налогом, мест соединения оросительных каналов, увеличивать /свой участок/ за счет чужих земель, уменьшать размеры участка земли и сокращать посеы запрещается. Если закон будет нарушен и посеы сокращены, то /виновные получают наказание/ по закону о тайной краже в зависимости от стоимости похищенного имущества, а когда /кем-то/ его участок земли будет увеличен за счет чужой земли и будут нарушены границы участков, то /виновный/ получит наказание на одну степень меньшее, чем наказание за тайную кражу, в зависимости от стоимости /незаконно/ приобретенной земли. Награда за донос выплачивается в размере одной десятой стоимости /присвоенной земли/, но не должна превышать сто связок монет"¹⁰. В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка размером в 1 цин 50 му (примерно 9,8 га), деньгами десять связок монет, пшеницей 4 ху (237,6 л), горохом 5 ху 5 доу (326,7 л), а если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками "в соответствии с законом"¹¹. Наряду с прочими несвободными людьми землепашцы государя назначались для работы на оросительных каналах. "Что касается назначений "наблюдающих за водой" и "обслуживающих канал" на больших магистральных каналах, то /таковые/ должны назначаться из года в год поочередно, соответственно из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также /землепашцев/, принадлежавших родственникам /государя/, советникам, старшим и младшим /чиновникам/, хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имею-

шего ранг-штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок. Если же имела место взятка, то /таковая/ должна считаться взяткой с нарушением закона". Государевы люди, "наблюдающие за водой" и "обслуживающие канал" несли уголовную ответственность за состояние канала, а в случае его прорыва за "ущерб, причиненный хлынувшей на поля и постройки водой"¹².

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дожидаться клеймения скота и получить то, что ему дадут. Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, это расценивалось как тайная кража. За гибель государственного скота и некомпенсацию причиненных убытков "под угрозу должна быть поставлена жизнь" государевых людей, пастухов. Закон предусматривал случаи, когда государственные пастухи "при уходе за скотом проявят непокорность, откажутся работать, не станут слушать приказаний". Такие пастухи наказывались на основании полученных свыше указаний¹³.

На государевых, как и на частных людей распространялось общее правило для лично несвободных, одинаковое с законом о скоте, – приплод следует за самкой. "Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб, а действительно находится вместе с матерью, или если у женщины есть ребенок, который уже родился, то /и детеныш животного и ребенок женщины/ равно /вместе с матерями/ подлежат возврату владельцу"¹⁴. "Если государственные или частные люди, женщина или мужчина, совратят один другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся /у бежавшего мужчины/ от /бежавшей с ним/ чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана /своему/ владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается"¹⁵.

В управлениях составлялись списки государевых людей, и менять место их приписки было строго запрещено. Всякому человеку запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государственного человека из списка рассматривалось как тайная кража человека. Использование государственного человека в личных целях как слуги на посылках приравнивалось к укрывательству беглого¹⁶.

Государев человек мог отдать по своей воле замуж за принадлежащего частному лицу мужчине (пхинга) женщин, членов своей семьи – свою дочь, сестру, тетку по отцу. Вообще, судя по этому тексту и тексту статьи 521 о государевых девушках, лично несвободные государственные люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично несвободными людьми, принадлежавшими частным лицам, т.е. только в пределах своей и родственной социальной группы¹⁷.

Таким образом, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая, возможно, не менее многочисленная группа государевых лично несвободных людей служила в армии, в так называемых вспомогательных войсках. В "Яшмовом зеркале управления" прямо указывается, что родственники солдат, казненных за воинские преступления, наказываемые по принципу общесемейной ответственности, отдавались в казенное рабство, на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу ложных сведений о количестве убитых им врагов с целью получения награды, его "родственники должны быть включены в армию"¹⁸. Если военный инспектор допустит обман, все перевернет с ног на голову (букв.: "голову и хвост поменяет местами") и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его "семья включалась в армию"¹⁹. Таким образом, люди, обращавшиеся

на основании принципа общесемейной ответственности в казенное рабство, не только делались государевыми пастухами и земледельцами, но и отправлялись в армию для выполнения при ней тяжелых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет и следующее сообщение "Сун ши" о судьбах пленных китайцев: "Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их ч ж у а н л и н л а н, е слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями, отсылали на реку (Хуанхэ) заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу"²⁰. Этот текст "Сун ши" крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государевых людей, как и частных лично несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двойко – как земледельцы или вообще на хозяйственных работах и для армии, будь то в передовых частях, т.е., как это я понимаю, на границах с сунским Китаем или в тылу, в городе Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, если они при допросе признались в какой-то причастности к предательству. Таковые "по определении их на каторжные работы в пограничные города, должны по закону стать /людьми, работающими/ на регулярную армию"²¹. Сын женщины, чужой жены, похищенной кем-то раньше, и рожденный на чужбине от похитителя, если он не признавался ее первым мужем законным хозяином этой женщины и оказывался вне семьи, "по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих вспомогательных войск"²². Во вспомогательные войска отправлялись сыновья государевых девушек, рожденные как от государевых людей, так и от пхинга. "Если государевы девушки, девушки, следящие за порядком в жилых покоях государя, девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу и другие, не могущие иметь мужей, по своей воле, с обоюдного согласия /с мужчиной/ заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы /замуж/ по ее желанию. Что же касается сыновей /таких лиц/, то если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, /его сыновья/ должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если он пхинга, то /его сыновьям/ становится также пхинга не разрешается, а они по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках. Если же /по чьей-либо вине такие люди/ не будут взяты на учет, то /с виновного/, имеющего ранг, – штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок"²³.

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли отдать в залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при этом данная женщина должна была добровольно согласиться на то, чтобы ее отчали в залог²⁴.

Государевы и частные лично несвободные люди, очевидно, нередко бежали со своего места приписки или от своего хозяина, о чем свидетельствует наличие в кодексе ряда статей о беглых людях и их поимке. "Что касается государева человека, ставшего беглым, то имеющиеся в данном месте чиновники: направляющие, армейские командиры, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники – должны выяснить фамилию и имя бежавшего человека, кто он, сколько человек в его семье и перечень имен /членов его семьи/, почему и куда он мог сбежать и известно или неизвестно его местопребывание, и в течение десяти месяцев /все это/ доложить должностному лицу. Если местонахождения беглого известно, то следует организовать его преследование, поймать, наказать и препроводить к тому чиновнику, в ведении которого он находился"²⁵. И далее еще текст другой статьи: "Если государев или частный человек, женщина или мужчина, бежал, а ка-

кой–то человек задержал его, то он должен отправить его туда, откуда /этот беглец/ сбежал. В том случае, когда кто–то со слов беглого знал, что тот /беглец/, но взятки с него не брал, то /таковому/ не засчитывается стоимость работы /на него/ беглого в течение шести месяцев. Также в том случае, когда кто–то встретится в дороге с беглым и будет ехать вместе с ним, если он не знал, что /его спутник/ беглый, то наказанию не подлежит. А если знал, то с имеющего ранг – штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок. Если же кто–то из таковых возьмет /с беглого/ взятку, то ее следует считать "взяткой с нарушением закона"²⁶.

Счет беглых велся на семью, причем семье должны были считаться от одного до трех человек одиноких беглых, а также муж и жена или любых два человека из одной семьи. За укрывательство одной–двух семей в таком подсчете виновному полагалось три года, трех семей – четыре года, а за укрывательство десяти семей и более – смертная казнь путем удушения. Соответствующие меры наказания за укрывательство беглых, родственников укрывателя были значительно более низкими: от шести месяцев до трех лет каторжных работ. Все были обязаны активно участвовать в поимке беглых: "Если о побеге государевых или частных людей были оповещены старшие и младшие направляющие по принадлежности, те, кто приписан к регулярной армии, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники, ближайшие соседи, но они не начали преследования /бежавших/ или отправились в погоню и могли настичь беглецов, однако проявили в пути нерадивость и не догнали их. Или догнали, но из–за своей немощи и, дорожа жизнью, не разгромили /беглецов/, то /виновным/ одинаково один год каторжных работ"²⁷.

Пойманных беглых собирали в ближайших местных управлениях и группами с сопроводительными документами и охраной отсылали по этапу на прежнее место.

Донесшие о беглых получали награду за донос, обычно из расчета десять связок монет за одну семью, однако размер награды не мог превышать ста связок монет. Поимщик беглого получал награду из расчета пятнадцать связок монет за одну семью. За донос о беглых награждались и каторжане. Так, в тексте одной статьи говорится: "Когда убегут государевы или частные люди и укроются в пределах нашего государства, то в том случае, если в числе людей донесших на /таких беглых/, в ближайшем округе окажутся женщины, отбывающие наказание за совершенные ими преступления в качестве ткающих сукна, ткани из растительных волокон, беловшеек или отданные в жены пастухам и земледельцам, то они могут получить вознаграждение за донос в соответствии с законом. Можно позволить таковым сменить их место пребывания, /однако/ менять им хозяйство (мастерскую) не разрешается"²⁸.

Наконец, государевы и частные люди могли бежать из пределов Велико–го Ся за границу. Если они после этого добровольно возвращались обратно, то им свободно передвигаться по территории страны запрещалось. Их не наказывали, но их статус не менялся. Исполнявшие ранее тяжелые работы вновь возвращались на тяжелые работы, но могли в качестве награды за верность отечеству сменить хозяйство или место приписки. Если это были люди, ранее работавшие во внутренних дворцовых покоях, они после возвращения из–за рубежа к работе во внутренних дворцовых покоях, т.е. поблизости от особы государя, не допускались. Такие люди переводились в число служащих вспомогательных войск²⁹.

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично несвободных людях в тангутском государстве, принадлежавших казне. В целом их статус не отличался от статуса лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам, правда, кроме одного, – они не имели таких обязательств к своему владельцу – государю (государству), которые составляли важную часть социального положения хинга и нини: ношение траура,

право доноса и т.п. Поскольку нет никаких сведений о сроках несвободного состояния, но есть материалы о том, что дети несвободных тоже становились несвободными – людьми государя, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, у которых мастерство передавалось от родителей к детям. Следовательно, часть государевых людей была таковыми по наследству, возможно, уже с тех времен, когда будущие области Ся входили еще в состав китайского государства. Источником пополнения числа людей этого сословия, кроме естественного прироста, было уголовное бессрочное казенное рабство, распространявшееся и на потомков (привлечение к ответственности родственников государственных преступников) и военнопленные, та их часть, которая не становилась собственностью пленившего их лица, а отходила в долю государя (государства).

В отличие от китайского права, тангутское право не знало дробления статуса зависимых по степени их зависимости /рабы, гуаньху, мастерские (гун), музыканты (юэ) – для казенных лично несвободных в Китае/ или рабы и буцуй, кэнь – для лично несвободных, принадлежавших частным лицам. Следовательно, оно не знало поэтапного освобождения. Кстати, каких-либо материалов о предоставлении свободы лично несвободным государевым людям в Ся у нас вообще нет.

Наконец, определенной спецификой тангутских условий можно считать наличие группы государевых лично несвободных служащих вспомогательных войск. Являясь объектом частых посягательств со стороны соседей, тангуты вынуждены были постоянно содержать значительную армию. Обслуживание регулярной армии – конницы, пехоты, камнеметной артиллерии было трудоемким делом. Еще больше работы было при строительстве городских стен и других оборонительных инженерных сооружений. Здесь-то и использовался подневольный труд служащих вспомогательных войск.

П р и м е ч а н и я

¹ Измененный и заново утвержденный кодекс /девиз царствования/ Небесное процветание /1149-1169 гг./, гл.1, л.4а – 7б (далее – Кодекс).

² Яшмовое зеркало управления /девиза царствования/ Чжэнь-гуань /1103-1113гг/, гл.Ш, л.14а.

³ Кодекс, гл.ХIХ, л.50б.

⁴ Е. М. К о з и н а. Основные категории лично несвободного населения в танском Китае. – Седьмая научная конференция “Общество и государство в Китае”. 1. М., 1976, с.96.

⁵ Кодекс, гл.ХIХ, л.19а.

⁶ Там же, гл.УП, л.36–46.

⁷ Там же, гл.ХШ, л.28а–28б.

⁸ Новые законы года свиньи, гл.ХУ, с.13.

⁹ Кодекс, гл.УП, л.13а–14а.

¹⁰ Там же, гл.ХУ, л.11б.

¹¹ Новые законы года свиньи, гл.ХУ, с.13–14.

¹² Кодекс, гл.ХУ, л.23б.

¹³ Там же, гл.ХIХ, л.50а–50б.

¹⁴ Там же, гл.Ш, л.34а.

¹⁵ Там же, гл.УШ, л.26б–27а.

- 16 Там же, гл.ХШ, л.296.
- 17 Там же, гл.УШ, л.276.
- 18 Яшмовое зеркало управления, гл.Ш, л.15а.
- 19 Там же, л.15б.
- 20 Сун ши, гл.486, Шанхай, 1935, с.3797.
- 21 Кодекс, гл.1, л.116.
- 22 Там же, гл.УП, л.56.
- 23 Там же, гл.УШ, л.276.
- 24 Там же, гл.Х1, л.10а-11а.
- 25 Там же, гл.ХШ, л.28а-28б.
- 26 Там же, л.30а.
- 27 Там же, л.26б.
- 28 Там же, л.25б-26а.
- 29 Там же, гл.УП, л.3а-4б.